

Очерк 11

Увеличение и сокращение рабочего времени

11.1. Многослойный характер «хороших» и «плохих» тенденций в сфере рабочего времени

Как ни знаменательно проникновение начатков свободы в производственную деятельность, все же не оно определяло в 90-е гг. главные перемены в условиях труда и трудового быта на российских предприятиях. Применительно к этим сторонам положения рядовых работников расширение свободы оказалось много менее действенным, нежели то было в сфере социально-трудовых отношений. Преодоление иллюзорно-утопического отношения к работе, большие возможности инициативы, устранение препятствий для совмещения занятий и поиска заработков, будучи выражением тех же преимущественно «хороших» перемен в положении работников, что и возрождение профсоюзов и складывание предпосылок социального партнерства, меняло условия труда в целом гораздо слабее, чем расширение свободы способствовало демократизации трудовых отношений. Если социально-трудовые отношения в 90-е гг. сдвинулись в основном в сторону улучшения, хотя и недостаточного, то в изменении производственной организации и условий труда на предприятиях, как и в процессах трудоустройства, занятости, преобладали смешанные «хорошие—плохие» (а подчас и преимущественно «плохие») перемены.

Это и понятно. Социально-трудовые отношения не испытывали никаких серьезных воздействий, которые ухудшали бы их состояние сравнительно с советскими временами. (Подчеркнем, что мы говорим в данном случае именно и только о социально-трудовых отношениях, т. е. о независимости профсоюзов, социальном диалоге, партнерстве и т. п., а не о положении работников в целом.) И хотя эти отношения улучшались весьма медленно, позитивные сдвиги зачастую имели ограниченный характер, а очень многое, особенно в социальной психологии и традициях, вообще оставалось в 90-е гг. неизменным, так что перемены оказались недостаточными, неполными. Но то, что менялось в социально-трудовых отношениях, менялось в лучшую сторону.

Что же касается непосредственно организации, продолжительности, тяжести и условий труда, здесь дело обстояло иначе. Помимо

появления ростков свободы, смягчения жесткого централизма, ослабления чрезмерной регламентации (равно как и влияния некоторых других благоприятных факторов), тут ощущалось действие и противоположных обстоятельств — упадка производства, нехватки средств, резкого ослабления государственной дисциплины и контроля. Немалое значение имели последствия сохранения избыточной занятости на предприятиях, еще больше ограничивавшие возможности последних улучшать производственную среду. Гигантская потенциальная безработица в России 90-х гг. замещалась не только снижением зарплаток (что, как будет показано ниже, играло, конечно, решающую роль в ухудшении положения народного большинства), но и всемерной экономией на условиях труда. К тому же само расширение свободы сказывалось в этом отношении далеко неоднозначно.

Уменьшая бюрократические ограничения и увеличивая организованность работников, оно, особенно в рамках слабого государства, открывало большие, чем прежде, возможности произвола работодателей, вообще роста первичного дикого капитализма с характерным для него пренебрежением к здоровой организации труда (пренебрежением, свойственным, кстати, как хозяевам предприятий, так и рядовым работникам). При столь разнородных обстоятельствах, перемены, казавшиеся общего характера и условий труда, в отличие от сдвигов в трудовых отношениях, лишь изредка обретали преимущественно позитивный характер. (О немногих примерах таких «чистых» улучшений в организации и условиях труда как раз и говорилось в предыдущем очерке.) Обычно же, в развитии условий труда самым причудливым образом сливались разнонаправленные процессы.

11.2. Механизмы увеличения и уменьшения продолжительности труда в 90-е гг.

Характерным проявлением переплетения улучшений и ухудшений в положении работников на производстве являются изменения в продолжительности и напряженности (интенсивности) труда. Тем более, что в 90-е гг. изменения эти приводили к чрезвычайно сложному, так сказать, многослойному соединению «хороших» и «плохих» социальных результатов, в котором одни и те же подвижки в рабочем времени и режиме труда одновременно и облегчали и отягощали жизнь народного большинства.

На протяжении последних ста-полутора лет в индустриальных обществах социальный прогресс применительно к длительности труда выражался обычно в уменьшении рабочего времени. Тем большее значение имеет то обстоятельство, что в России 90-х гг. параллельно,

рядом друг с другом разворачивались процессы как сокращения, так и увеличения продолжительности времени работы.

Правда, установленные пределы рабочего дня и рабочей недели в течение десятилетия практически остались неизменными. Нормальная или обычная продолжительность рабочей недели в течение всех 90-х гг. не сильно колебалась вокруг 39 часов (максимум 39,8 часа в 1992 г., минимум 38,8 часов в 1996 г.). Мало изменилась и фактическая продолжительность реального недельного рабочего времени и рабочего дня. По официальным данным, в разные периоды 90-х гг. работники народного хозяйства реально были заняты в среднем от 36,4 часа до 37,5 часов в неделю (с учетом предусмотренного трудовым законодательством сокращенного рабочего дня на многих производствах)¹. По самооценкам работников, представленным в очень развитых у нас обследованиях времени, получается несколько большая фактическая величина рабочего времени — свыше 8 часов в день по основному месту труда и, значит, 40–41 часов в неделю². Тут нет ничего удивительного, ибо в самооценках почти всегда собственно рабочее время, учитываемое госстатистикой, соединяется с т. н. нерабочим временем, непосредственно связанным с трудом — переодеванием, приемом и сдачей смены, передвижением к рабочему месту и т. п. Впрочем, в связи с вопросом о динамике рабочего дня, это различие несущественно; важнее сходство тенденций, ибо бюджет времени, как и государственная статистика, показывает почти полное отсутствие перемен в отношении величины рабочего дня и рабочей недели. Согласно итогам сравнительного изучения времени занятого населения гор. Пскова в 1986 и 1995 гг., рабочий день на основной работе составлял в среднем у всех работающих 8,3 часа в первом случае, 8,2 часа во втором, у рабочих промышленности и строительства — 8,3 часа в обоих случаях³. (Повторим, что, строго говоря, речь тут идет как о собственно рабочем времени, так и о времени, непосредственно связанном с работой.)

Однако подобной стабильностью в 90-е гг. отличалась именно и только длительность рабочего дня и рабочей недели по основному месту труда. Если же принять в расчет рабочее время в течение всего года и в совокупности всех основных и дополнительных работ, изменения в продолжительности труда, причем изменения и в сторону сокращения и в сторону увеличения, станут совершенно очевидными.

При таком подходе, прежде всего, выявляется, что в 90-е гг. сохранение более или менее неизменной продолжительности каждого рабочего дня (во всяком случае, по основному месту работы) сочеталось с заметным уменьшением годового числа установленных и тем более фактически отработанных рабочих дней. В промышленности, например, среднестатистический работник трудился в 80-е гг. 226–229 дней

Таблица 11.1

Использование календарного фонда времени рабочих в промышленности
(в среднем приходится дней на одного рабочего)

Категории дней	1980	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Число календарных дней	366	365	365	366	365	365	365	366
в том числе дни:								
рабочие (отработанные)	229	226	220	213	205	189	193	192
праздничные, выходные	97	102	105	106	107	110	110	110
дни очередных отпусков	22	22	23	27	27	26	26	26
дни болезни	12	12	12	10	11	10	11	10
дни целодневных простоев	менее 1	менее 1	менее 1	3	8	22	19	23
дни прогулов и уважительных неявок	6	4	4	7	8	8	6	8

Источники: Российский статистический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 126; Труд и занятость в России. 1996. Стат. сборник. М, 1996. С. 68.

в год. Между тем в середине 90-х гг. он отработывал ежегодно не более 192-193 дней (см. табл. 11.1). С учетом одинакового рабочего дня это означает, что за десятилетие рабочее время по основному месту работы сократилось в российской промышленности примерно на 15 % — существенно больше, чем в течение 80-х гг., когда оно уменьшилось лишь на 1-2 %⁴. Разумеется, во многих других отраслях сокращение рабочего времени могло быть (и фактически бывало) не столь заметным. Однако не подлежит сомнению, что в той или иной степени (возможно, меньшей по сравнению с промышленностью) снижение годового числа рабочих дней касалось всех трудящихся, хотя бы в той мере, в какой это снижение было обусловлено изменениями всеобщего характера вроде расхождения перечня выходных и праздничных дней.

Если дополнение сведений о рабочем дне и рабочей неделе годовыми данными свидетельствует о размерах сокращения времени труда, то учет вторичной занятости выявляет противоположную тенденцию. Информация о длительности дополнительной работы, и тем более нерегулярных приработков, по своей точности и надежности далеко уступает данным о динамике соотношения рабочих и нерабочих дней в течение года. Тем не менее, имеющиеся материалы выборочных обследований все же дают некоторое общее представление о масштабах времени, поглощаемого дополнительным трудом. Как отмечалось выше (см. очерк VIII), всероссийские обследования ВЦИОМ, а также локальные обследования в ряде городов (Самара, Кемерово, Люберцы, Сыктывкар, Псков) показывают, что в середине и в конце 90-х гг. дополнительную работу имели (считая округленно и принимая

в расчет вероятность сокрытия вторичных заработков частью респондентов) примерно 1/5-1/6 занятых.

По тем же данным, время, уделяемое вторичной работе теми, кто имел ее, достигало в большинстве случаев 10-15 часов в неделю, иногда 20 часов⁵. У них, следовательно, недельное рабочее время могло увеличиваться на четверть-треть или даже наполовину. Впрочем, для сопоставления тенденций роста либо уменьшения, важнее учитывать увеличение рабочего времени дополнительным трудом в расчете на всех занятых, включая тех, у кого его не было. К тому же, такой расчет точнее, ибо люди, имеющие большую дополнительную работу, нередко различными способами сокращали продолжительность занятости на основном месте труда.

Приблизительную оценку длительности второй работы в расчете на всех занятых нетрудно получить, уменьшив вышеприведенные цифры примерно в пять раз — пропорционально доле имеющих ее среди всех занятых. Отсюда следует, что дополнительная работа повышала продолжительность труда среднероссийского работника в конце 90-х гг. на 2-3 часа в неделю или немногим больше, то есть на 5-10 % при сорокачасовой рабочей неделе. Фактическое увеличение составляет, вероятно, несколько меньшую величину, поскольку немалая часть вторичных занятий выполняется в пределах рабочего времени на основной работе как непосредственно на своем рабочем месте, так и в течение отлучек, которые иной раз могут продолжаться большую часть рабочего дня. Косвенным подтверждением тому служат итоги обследования 1998 г. в Самаре, Кемерово, Люберцах, Сыктывкаре, согласно которому лишь 45 % работников подрабатывают после окончания рабочего дня; остальные занимаются этим либо в выходные, либо в рабочее время⁶.

В 70-80-е гг. вторичная занятость имела у нас очень небольшое распространение, и потому расширение за ее счет общего времени трудовой деятельности работающего населения на 5-10% является вместе с тем показателем того, к чему привел в 90-е гг. процесс роста рабочего времени. Тем не менее даже с учетом этого показателя получается, что в рассматриваемое десятилетие тенденция к увеличению рабочего времени все же уступала тенденции к его сокращению: напомним, что, судя по ситуации в промышленности, годовое число реально отработанных дней уменьшилось к концу 90-х гг. более, чем на 15 %⁷. Скорее всего, так оно и есть. Но абсолютная уверенность в этом утверждении при имеющихся данных отсутствует. Продолжительность увеличения рабочего времени под воздействием вторичных занятий определяется пока очень примерно, и может оказаться как большей, так и меньшей. Ровно так же точные сведения о сокращении рабочих дней относятся

только к промышленности; вряд ли их можно уверенно распространять на другие отрасли. В сущности, совершенно надежным является более осторожный вывод: масштабы сокращения и увеличения рабочего времени в 90-е гг. более или менее сопоставимы друг с другом. Уменьшение продолжительности труда, если и перевешивает ее возрастание, то не слишком значительно.

11.3. Социальный смысл изменения рабочего времени.

Что сегодня сильнее влияет на положение работников — сокращение или увеличение рабочего времени?

При всей желательности перехода от вывода о сопоставимости процессов увеличения и сокращения продолжительности труда к строгому определению их соотношения, вообще говоря, такое уточнение не слишком важно для понимания социальных итогов изменения рабочего времени в российском обществе 90-х гг. Сам по себе количественный баланс тут не имеет решающего значения, потому что у нас ни об одном из этих сдвигов нельзя сказать — вопреки тому, что бывает в стабильных обществах, — что он имеет преимущественно позитивный или преимущественно негативный смысл. Более короткое рабочее время в наших нынешних условиях — не одно лишь благо, более длинное — не одно лишь зло. Противоречивость перемен в сфере рабочего времени, помимо того, что в них сочетаются разнонаправленные процессы увеличения и уменьшения длительности труда, проявляется еще и в многообразии последствий каждого из таких процессов. Оба они оказывают на жизнь народного большинства и «хорошие» и «плохие» воздействия. Только с учетом конкретных улучшений и ухудшений, вытекающих как из сокращения, так и из увеличения продолжительности труда, можно получить реальное представление о социальных итогах изменения рабочего времени за последние годы.

Так, оценивая увеличение нерабочего времени чуть ли не на месяц в году (у работников промышленности прибавилось по 34-35 фактических нерабочих дней в году), нужно помнить, что любое сокращение продолжительности труда улучшает положение работников лишь при условии, что его результатом не становится уменьшение зарплаток и падение производства. Между тем в условиях российского переходного кризиса появление дополнительных нерабочих дней сопровождалось именно такими явлениями. Из 34-35 дополнительных нерабочих дней, появившихся в промышленности в 90-е гг., 20-22 приходится на целодневные простои и несколько дней — на прогулы (см. табл. 11.1), что, естественно, означает соответствующее снижение оплаты труда. В этой части сокращение рабочего времени оказывается

скорее механизмом ухудшения благосостояния большинства работников. Что касается общеэкономического спада, вряд ли верно считать, что простои явились его причиной. Вернее уж, тут действует обратная зависимость. В связи с положением работников важно, однако, что сокращение длительности труда, вызываемое снижением нормальной интенсивности производства и общим нарушением производственного порядка, сверх того, что оно уменьшает заработки, не дает большинству работников никакого физического или психологического облегчения. Скорее наоборот, упадок производства, хаос и беспорядок, царящие на многих предприятиях, вынужденное безделье во время простоев напрягают работников и ухудшают их самочувствие. По крайней мере, в ходе изучения рабочего времени во Пскове доля работников, чувствующих себя уставшими или очень уставшими после рабочего дня, не только не уменьшилась в 1995 г. сравнительно с 1986 г., но даже несколько увеличивалась (с 90 до 94 % среди всех занятых, с 87 до 90 — среди рабочих промышленности⁸). Между тем, напряженность труда, по данным того же обследования, заметно сократилась⁹.

В общем, увеличение годового числа нерабочих дней за счет простоев, прогулов и т. п. периодов отсутствия оплачиваемого труда вообще не стоит рассматривать в ряду форм сокращения рабочего времени, которые обычно считаются выражением социального прогресса и облегчения бремени отчужденного индустриального труда. В России 90-х гг. действительное расширение внерабочего времени выразалось в увеличении числа выходных и праздничных дней, а также в повышении продолжительности ежегодных отпусков (в той их части, которая не связана с распространением принудительных отпусков с неполной заработной платой, вводимых администрацией, когда предприятие попадает в критическую ситуацию). В 90-е гг. новые праздники и увеличение отпусков обеспечили расширение внерабочей части года в промышленности на 12 дней. 8 из них приходится на новые праздники и лучшее соблюдение норм закона касательно старых; остальные — на увеличение отпусков.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в долговременной исторической перспективе, когда речь идет о десятилетиях социального прогресса, умножение праздников и отпусков улучшает положение работников, занятых трудом индустриального типа. Особенно важно, что нерабочее время тут не просто расширяется, но перераспределяется и концентрируется в больших промежутках. Такая концентрация гораздо больше отвечает потребностям современного человека, ведущего городской образ жизни и стремящегося к целодневным периодам рекреации¹⁰. Вместе с тем в нынешних российских условиях увеличение и концентрация времени, свободного от занятости по основному месту

работы, важны более всего потому, что соответствуют специфическим нуждам большинства трудящихся, возникающим именно в обстановке переходного кризиса. В частности, увеличенное число выходных и отпусковых дней облегчает получение дополнительных заработков, работу на садовых участках, объединение усилий с деревенскими родственниками, на другие виды деятельности, помогающие множеству людей пережить трудности кризисной ситуации. Само собой разумеется, что уменьшение числа отработанных дней создает также дополнительные благоприятные условия для сохранения сверхнормативной занятости на предприятиях и предотвращения чрезмерного роста безработицы. Это следствие сокращения рабочего времени нельзя, однако, безоговорочно относить к числу позитивных. Тут улучшающие воздействия опять сплетаются с ухудшающими. Ведь сохранение избыточной занятости, как уже говорилось и как еще будет говориться дальше, облегчает положение трудящихся в одних отношениях, прежде всего, в смысле смягчения безработицы в данный момент, и затрудняет в других, замедляя реструктуризацию экономики и отягощая безработицу в будущем.

Да и вообще, будучи полезным в большой перспективе, сокращение рабочего времени непосредственно сейчас и в ближайшие годы, даже в той его части, которая не связана с экономическим спадом и снижением заработков, вряд ли можно безоговорочно относить к «хорошим» сдвигам в народной жизни. Разве что постольку, поскольку уменьшение рабочего времени по основному месту труда создает предпосылки для вторичной занятости. Подобная занятость, как уже говорилось, имеет сегодня определенный позитивный смысл, хотя и соединенный с немалыми негативными последствиями.

Суть дела здесь в том, что продолжительность рабочего дня и рабочей недели еще в 20-30-е, а затем в 50-70-е гг. сокращалась в СССР много быстрее, чем в странах с аналогичным уровнем экономической эффективности. По различным причинам, в частности, вследствие прочности в советской идеологии просветительских иллюзий относительно роли свободного времени, а также еще сохранявшихся старинных крестьянских традиций сосредоточения больших объемов труда в сравнительно ограниченных периодах, советское государство, регулировавшее рабочее время, устанавливало его, равняясь на экономически превосходящие нас страны, где производительность труда была вдвое-втрое выше, чем у нас. В итоге, начиная с 50-70-х гг., установленная продолжительность рабочего времени в Советском Союзе в общем и целом не уступала западноевропейским и американским нормативам. Что же касается фактического рабочего времени, оно в крупной промышленности, подвергавшейся строгому контролю и в СССР и на Западе, если и было у нас чуть продолжительнее, то в очень небольшой

мере, никак не соответствующей различиям в производительности труда. В 80-е гг., например, в промышленности РСФСР фактическая продолжительность рабочей недели равнялась 40-41 час, будучи одинаковой с рабочей неделей в промышленности США, и лишь на 1 час превосходя ее длительность во Франции и ФРГ¹¹.

Во многих прочих отраслях и в мелком производстве вообще регулирование рабочего времени в СССР было детальнее и полнее, чем в иных странах. Поэтому в последние десятилетия советской эпохи рабочее время в расчете на всех занятых стало у нас едва ли не самым коротким в мире. Во всяком случае, именно такую картину рисуют итоги международного изучения бюджетов времени в середине 60-х гг. Согласно этим данным, средняя продолжительность рабочего дня работающих мужчин во Пскове (представлявшем СССР) и городах других стран составляла тогда следующую величину (часов)¹²:

СССР (г. Псков)	-6,2	Бельгия (национальная выборка)	-6,8
Болгария (г. Казанлык)	-6,7	США (национальная выборка)	-6,3
Венгрия (г. Дьер)	-7,2	США (г. Джексон)	-6,3
ГДР (г. Хойерверд)	-6,1	Франция (выборка по 6 городам)	-6,6
Польша (г. Торунь)	-6,7	ФРГ (национальная выборка)	-6,6
Югославия (г. Марибор)	-6,7	ФРГ (г. Оснабрюк)	-6,5
Чехословакия (г. Оломоуц)	-5,7		

В результате продолжительность времени, отдаваемого человеком труду в общественном производстве, в России едва ли не самая короткая в мире. Причем речь идет не только о рабочем дне или рабочей неделе, но и о рабочем времени в масштабах года и всей трудовой жизни. Последнее обстоятельство в большой мере обусловлено тем, что уже с 60-х гг. всеобщий характер у нас стала приобретать пенсионная система, предусматривающая чрезвычайно низкий возраст выхода на пенсию. В большинстве гораздо более богатых западных стран выплата пенсий по старости начинается на 5-10 лет позже, чем в России (обычно с 60-65, а иногда и с 67 лет, причем в большинстве случаев 65-67 лет является единым рубежом как для мужчин, так и для женщин)¹³.

Приводившиеся ранее сведения о нормальной и фактической продолжительности рабочего дня означают, что и теперь длительность рабочего времени в России (без учета вторичной занятости) более или менее одинакова с западной. Да и с учетом дополнительных работ, удлинявших рабочее время в расчете на всех занятых на 2-3 часа в неделю, соотношение рабочего времени в России и других странах меняется не слишком сильно. На таком фоне социальная ценность и своевременность расширения перечня устанавливаемых законом нерабочих дней представляется на данном этапе довольно сомнительной. Разумеется, в обстановке экономического спада, растущей безработицы, финансовых трудностей введение дополнительных нерабочих дней, например,

неоплачиваемых или частично оплачиваемых отпусков и дополнительных праздников в том или ином году может иметь некоторые социально-экономические резоны. Но умножение постоянных праздников и удлинение ежегодных оплачиваемых отпусков вряд ли уместно в стране, которая, существенно уступая наиболее развитым обществам по производительности труда, и без того установила такую же, как у них, продолжительность рабочего дня и более ранний возраст выхода на пенсию.

В подобных обстоятельствах фактором улучшения жизни народного большинства — по крайней мере до тех пор, пока не возрастет эффективность нашей экономики — будет скорее увеличение оплачиваемого труда. В реальной обстановке 90-х гг. это увеличение чаще всего принимало форму вторичной занятости. Во многих отношениях дополнительная работа действительно существенно облегчала положение трудящихся. Но улучшения и здесь неотделимы от тягот. Как правило, действительно достойный заработок давала вторичная работа, связанная со значительным напряжением и действительно большими затратами времени. Совокупная продолжительность труда на основном и дополнительном рабочих местах достигала в таких случаях 10-12 часов в день¹⁴ и становилась чрезмерной, явно вредной для здоровья работника.

С другой стороны, там, где увеличение рабочего времени сохраняло умеренный масштаб, оно давало лишь очень небольшое приращение заработка. Кроме того, как отмечалось при рассмотрении перемен в структуре занятости, вторая работа нередко оборачивалась необходимостью терять квалификацию, заниматься тяжелым или грязным трудом во вредных условиях и т. п.

Правда, там же подчеркивалось, что не реже дополнительная работа способствовала профессиональному росту, помогала профессиональной карьере. Поэтому снова и снова повторим, что нет оснований говорить о том, что ухудшение, связанное с удлинением рабочего времени вследствие распространения вторичной занятости, превосходит порождаемые им улучшения. Но и преобладание «хороших» итогов дополнительной работы над «плохими» тоже отнюдь не очевидно.

В этом смысле, непосредственные, так сказать, материализованные последствия ни увеличения числа нерабочих дней и соответствующего сокращения рабочего времени, ни удлинения рабочего времени, обусловленного распространением вторых работ, не имели в 90-е гг. четко определенного позитивного или негативного характера. Ни тот ни другой процесс нельзя безоговорочно отнести к обретениям или к потерям. Наиболее положительными в сфере рабочего времени в 90-е гг. явилось не фактическое изменение его величины (баланс сдвигов тут остается неопределенным), но перемена в массовом сознании, формирование иного, чем раньше, отношения к сравнительной ценности рабочего и свободного времени.

Мало того, что в доперестроечную эпоху у нас фактически существовало рабочее время более короткое, чем то, которое соответствовало фактической эффективности нашей экономики и которое позволяли себе западные страны на той стадии развития, когда производительность их труда равнялась советской. Эта социально-экономическая несообразность возникла и сохранялась не только потому, что в рамках всеобщего огосударствления было возможно централизованное навязывание обществу ошибочных решений и диспропорций, но и потому, что данная диспропорция — сокращение времени труда в ущерб общественному и личному богатству — отвечала некоторым предпочтениям, прочно утвердившимся в российском массовом сознании. Помимо уже упоминавшихся просветительских утопий по части свободного времени и всестороннего развития личности, а также обусловленных российским климатом деревенских привычек к очень напряженному, но не очень продолжительному труду, поддержанию таких предпочтений способствовали и некоторые другие особенности госсocialистического жизнеустройства.

В советской системе возможности повышения дохода и благосостояния в результате более продолжительного и интенсивного труда всегда оставались достаточно ограниченными, по крайней мере, более ограниченными, чем в рыночно-демократических обществах. Напротив, блага досуга, развлечений, отдыха, приобщения к ценностям культуры были у нас сравнительно более доступны. Причем в значительной части — бесплатно или по льготным ценам, так что дополнительный заработок не слишком увеличивал перспективу получения подобных благ, тогда как нехватка времени сказывалась вполне ощутимо. Поэтому относительная ценность заработка и рабочего времени оказывалась у нас ниже, чем на Западе, свободного времени — выше.

Неудивительно, что лишь очень небольшая доля советских работников — по данным того же Псковского обследования 80-х гг., примерно 15-20 % — были готовы согласиться на более длительное рабочее время с тем, чтобы увеличить свои заработки. Сопоставимая часть их — порядка 10 % — была согласна даже на уменьшение заработной платы ради сокращения рабочего дня. Подавляющее большинство — около 75 % — хотело сохранить сложившиеся пропорции¹⁵, отражавшие более быстрое, чем на Западе, сокращение продолжительности труда относительно его производительности и более медленный рост оплаты.

Действительно серьезный и действительно позитивный сдвиг в сфере рабочего времени из тех, что произошли в России 90-х гг., состоит в том, что массовое предпочтение свободного времени рабочему стало постепенно замещаться предпочтением оплачиваемого труда и увеличе-

ния рабочего времени. Непосредственно во Пскове к середине 90-х гг., т.е. всего через 10 лет после обследования 1986 г., положение изменилось едва ли не коренным образом. В 1995 г. (при том, напомним, что длительность рабочего дня по основному месту работы практически осталась прежней) стремление иметь более продолжительную работу с большим заработком высказало уже абсолютное большинство опрошенных — округленно 55-65 %. Сохранить нынешнее соотношение желало в это время 30-40 %, уменьшения рабочего времени — менее 5% (см. табл. 11.2).

Таблица 11.2

Предпочтения занятого населения г. Пскова в отношении работы и свободного времени (в % ко всем опрошенным данной категории в данном году)

Характер предпочтений	Годы опроса и категории опрошенных			
	1986 г.		1995 г.	
	Все работающие	Рабочие	Все работающие	Рабочие
Отношение к продолжительности работы и свободному времени				
Предпочитают иметь больше свободного времени при меньшей продолжительности рабочего времени, даже если это связано с сокращением заработка	11,5	7,8	4,8	2,1
Предпочитают сохранить нынешнюю продолжительность работы и свободного времени	73,6	73,9	42,4	30,5
Предпочитают более продолжительную работу с большим заработком, даже если это связано с сокращением свободного времени	14,9	18,3	53,8	67,4
Удовлетворение от работы и свободного времени				
Получают больше удовлетворения от свободного времени	21,9	22,2	31,6	37,0
Получают одинаковое удовлетворение как от свободного времени, так и от работы	61,4	61,8	56,0	54,0
Получают больше удовлетворения от работы	16,7	16,0	12,4	9,0

Источник: Патрушев В. Д. Удовлетворенность трудом: изменение ее степеней с 1986 по 1995 год // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения. М., 1999. С. 34.

Такая смена общественных настроений означает, конечно, расставание с прекрасными (и вместе с тем прекраснодушными) мечтаниями о немедленном основании марксова «царства свободы» за границами рабочего времени. Основная масса российских работников сознает, что сегодняшний труд для них не творчество, не удовольствие, но прежде всего и главным образом источник заработка. Лишь около 10-15 % псковских работников, высказывавших свои предпочтения относительно рабочего и свободного времени (причем, в 90-е гг. меньше, чем в 80-е), говорили, что работа дает им большее удовлетворение, нежели свободное время. Подобно тому, как меняется общая оценка отношения к труду (см. табл. 10.1), рост готовности принять более продолжительное (оплачиваемое!) рабочее время отражает, помимо всего прочего, процесс утверждения в массовом сознании трезвого взгляда на реальную социальную ситуацию современной эпохи, да и всего обозримого будущего. Но трезвость, хоть она и заставляет отказаться от романтики и энтузиазма, устремленных к неосуществимой мечте, дорогого стоит. Подобная трезвость способствует формированию устойчивого, а не спазматического трудолюбия, ориентации на реально достижимые цели, ответственности за себя и свою семью, готовности работать ради этого столько, сколько необходимо.

Спору нет, было бы лучше, если бы силой, ведущей к складыванию в России этих социально-психологических свойств, явилось не нынешнее резкое снижение оплаты труда и угроза безработицы, но возможность многократного увеличения зарплаток в растущей экономике. Но наш исторический путь сложился так, как он сложился. Надо сказать, что на ранних стадиях капитализма индустриальная трудовая мораль и, в частности, готовность работника трезво соразмерять приемлемость рабочего времени с зарплатком и в дореволюционной России, и в большинстве стран Запада во многом формировались под влиянием угрозы обнищания*. Впоследствии положение в развитых рыночных странах изменилось. С преодолением наиболее острых стадий переходного кризиса и в России фундаментом упрочения трудоцентристской психологии станет перспектива резкого повышения заработка без повышения рабочего времени, а не готовность трудиться дольше, чтобы заработать больше. Наряду с возможным подъемом

* Сто с лишним лет назад Н.А. Некрасов писал:

«В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесов, ткачей».

В ту эпоху некрасовские строки отражали отнюдь не только российские реалии.

социальной умудренности власти и работодателей, решающую роль тут сыграют организованные усилия трудящихся, умение работников и их профсоюзов реалистически оценивать социально-экономическую обстановку в стране, в том числе соотношение производительности, общественного богатства, рабочего и вне рабочего времени.

Однако в России 90-х гг. сокращение рабочего времени не могло быть основой ни экономического ни социального прогресса. Наоборот, там, где такое сокращение тогда происходило, оно выливалось в падение производства и рост безработицы. Развитие готовности к более продолжительному труду, при всей противоречивости его последствий, выражало все-таки нарастание здоровых начал в нашем массовом сознании, продвижение к трудовой морали, адекватной рыночной экономике.